

Д. Д. Благой

НА ПУТЯХ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ПУШКИНА

В 1838 г., в основанном Пушкиным журнале «Современник» был опубликован без имени автора первый биографический очерк о Пушкине, принадлежащий перу одного из близких его друзей, поэта и критика П. А. Плетнева. С момента появления этого очерка, в течение без малого ста лет, изыскательская и исследовательская мысль напряженно и пытливо работает над воссозданием жизненного и творческого пути Пушкина. Однако и по сие время задача эта разрешена только частично.

С самого начала попытки не только как-то осветить, но и хотя бы просто фактически точно рассказать историю жизни Пушкина наталкивались на решительное сопротивление цензуры. Замечательной иллюстрацией этого является тот же очерк Плетнева. Писался он по горячим следам, всего год спустя после трагической гибели Пушкина, когда все, что было связано с обстоятельствами жизни и, в особенности, смерти поэта, — представляло не только злободневный, но и острый политический интерес. И вот биограф, лучше, чем кто бы то ни было, во всех этих обстоятельствах осведомленный, оказался вынужденным не столько рассказать о жизни Пушкина, сколько постараться всячески скрыть ее от читателей, уверяя — в полном противоречии с действительностью, — что она не отличалась «разнообразием происшествий внешних», сводясь «к деятельности почти неподвижной, к однообразной беседе с литераторами да с книгами». Достаточно указать, например, что Плетнев совершенно умалчивает о ссылке Пушкина. Невольные передвижения ссылке Пушкина из конца в конец страны, — «куда подует самовластье», — приобретают под пером Плетнева характер беспечных фланирований непоседливого поэта, в поисках новых впечатлений «спешившего оставить столицу, где он успел наскучить рассеянностью», и «кочевавшего в течение ряда лет по России». Еще решительнее поступает

Плетнев с наиболее острым и деликатным по тому времени местом биографии Пушкина — историей его тибели, ни словом не упоминая о дуэли его с Дантесом.

Сколь ни наивно было такое умолчание о вещах всем хорошо известных, оно продолжалось в течение ряда лет; глухой намек на ссылку Пушкина впервые был сделан в анонимном биографическом очерке, напечатанном в «Портретной и биографической галлерее» 1841 г. («Заблуждения слишком кипучей молодости удалили Пушкина из Петербурга. Он переехал в Кишинев»), о дуэли же с Дантесом было в первый раз печатно упомянуто лишь через десять лет после нее в «Словаре достопамятных людей» Бантыша-Каменского (ч. 2, СПб, 1847 г.).

Только к этому времени стала возможна, таким образом, самая постановка вопроса о создании сколько-нибудь полного и отвечающего фактам жизнеописания Пушкина.

За осуществление этой задачи взялся издатель нового собрания сочинений Пушкина, П. В. Анненков, который и выпустил в 1855 г. первую биографическую книгу о Пушкине: «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений».

Хотя Анненков мог позволить себе значительно более свободы в изложении событий жизни Пушкина, чем Плетнев, тем не менее и его работа протекала в исключительно тяжелых цензурных условиях. После весьма жесткого ее просмотра обычной цензурой она поступила на специальное рассмотрение старого цензора самого Пушкина — царя Николая. Пять месяцев спустя последовало «высочайшее разрешение»: «Согласен. Но в точности исполнить, не дозволяя отнюдь неуместных замечаний или прибавок». Однако разрешение это было куплено дорогой ценой. Заранее сознавая, в каких условиях ему приходится работать, Анненков подверг свой труд строгой предварительной автоцензуре.

Вспоминая впоследствии о своей работе над пушкинской биографией, Анненков пишет: «Нетрудно указать теперь на многие места... где, видимо, отражается страх за будущность своих исследований и где бросаются в глаза усилия предупредить и отвратить толкования и заключения подозрительности и напуганного воображения». Действительно, следы этого «страха» и «усилий» дают себя знать чуть ли не на каждой странице «Материалов».

Особенно большие трудности представило для Анненкова то, о чем Плетнев предпочел вовсе умолчать, — трагическая смерть Пушкина. Анненков с болью писал об этом И. С. Тургеневу: «Я понимаю, как вам должно быть тяжело так дописывать биографию

Пушкина, — утешал его последний, — но что же делать. Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий».

На препятствия к написанию «истинной биографии» Пушкина со стороны «так называемых приличий» Тургенев ссылался не зря. Одним из драгоценнейших биографических источников являются письма Пушкина. Между тем, когда, через три года после выхода биографического труда Анненкова, в «Библиографических записках» была впервые опубликована большая группа писем Пушкина к брату, насыщенных, помимо всего прочего, разнообразнейшим и интереснейшим литературным материалом, последовали: со стороны одного из сыновей поэта резкий протест и жалоба министру народного просвещения и, независимо от этого, со стороны товарища министра, каковым в то время был не кто иной, как один из ближайших друзей Пушкина, поэт П. А. Вяземский, «строгое замечание» и предостережение цензору и редактору журнала. Мало того, двадцать лет спустя после публикации «Библиографических записок», в 1878 г., сам И. С. Тургенев, опубликовавший в «Вестнике Европы» письма Пушкина к жене, получил известие, что сыновья поэта собираются ехать в Париж, дабы «поколотить» его. Благодаря всему этому первое собрание писем Пушкина, составившее особый том нового — восьмого — издания его сочинений под редакцией П. А. Ефремова, вышло только через сорок пять лет после смерти поэта, в 1882 г. К этому времени огромное количество пушкинских писем было бесповоротно растеряно.

В числе источников, которыми Анненков располагал при написании своего первого биографического труда, были и письма Пушкина. Однако, в силу только-что сказанного биограф смог использовать их в весьма ограниченной степени.

Неудивительно, что, несмотря на большие достоинства работы Анненкова, в основу которой было положено изучение первоисточников, архивных данных и, что особенно ценно, рукописей поэта и которая благодаря этому составляет один из важнейших этапов в истории научной разработки пушкинской биографии, сам биограф был в величайшей степени недоволен ею. «Кончил биографию, — писал он тому же Тургеневу, — то-есть собственно никогда и не начиналась она».

По-настоящему «начать» биографию Пушкина Анненков снова попытался почти два десятилетия спустя, опубликовав в 1873 — 1874 гг. новую свою биографическую работу о Пушкине, охватыва-

ющую первую половину сознательной жизни поэта, — «Пушкин в Александровскую эпоху».

Работа эта вышла при значительно более благоприятных цензурных условиях. Однако, если несколько ослаб внешний цензурный гнет в отношении Пушкина, — своеобразным цензором личности и творчества поэта оказался сам его биограф. Общавшийся не только с Белинским, но, как известно, и с Марксом, Анненков был тем не менее типичным либералом-эстетом сороковых годов. Целиком усвоив знаменитые высказывания Белинского о Пушкине, как о «великом, образцовом мастере поэзии, учителе искусства», Анненков положил их в основу своего понимания Пушкина, односторонне развив их в направлении «чистой эстетики». Пушкин для него «учитель изящного». Вся эволюция, весь жизненный путь Пушкина определяются, по Анненкову, тем, что в нем все более крепнет «чистый художник», что он все дальше уходит от живой жизни, от своей современности на «идеальные» высоты отрешенного, чисто эстетического созерцания. Однако в тесные, благообразные рамки «учителя изящного» никак не укладывалась вулканически-бурная, сложная, исполненная многих противоречий, живая личность поэта. Не укладывался в них и ряд произведений Пушкина. Не будучи в состоянии согласовать их со своей концепцией, Анненков решил попросту утаить их от читателя, не включив в изданное им собрание сочинений Пушкина. Больше того, когда редактор одного из последующих изданий Пушкина, П. А. Ефремов опубликовал некоторые из пропущенных Анненковым вещей, последний выступил с самым решительным протестом против не только излишней, но и прямо «вредной» (!) полноты последнего. «Полнота полноте рознь, — писал он, — и бывает не только нежелательная, но и положительно вредная полнота... та именно, которая способна помрачить установленный, всеми признанный лик писателя или дать ему другое выражение, чем обыкновенно носимое им или приписываемое ему». Это стремление превратить живое лицо писателя в некий «лик» и, с другой стороны, «приписать» ему определенное, отвечающее не действительности, а намерениям и видам биографа «выражение» значительно ослабило ценность второй книги Анненкова о Пушкине, хотя, по тщательному изучению материалов, тонкости анализа, наконец, замечательной талантливости изложения, она до сих пор не имеет себе ничего равного во всей последующей биографической пушкиниане.

Второй труд Анненкова открыл собой новую страницу в истории биографических изучений Пушкина. Отныне стало возможным более

или менее полно и точно излагать фактическую сторону жизни поэта.

Так, например, В. Я. Стоюнин, выпустивший в 1880 г. — год открытия памятника Пушкину в Москве — новую биографическую работу о Пушкине, уже смог остро поставить вопрос о предсмертной драме поэта, задыхавшегося в predeterminedенной ему «казенной атмосфере», под «гнетом царедворческого служения».

Однако излагаемые факты в руках большинства биографов Пушкина получали заведомо-тенденциозное освещение. Мы уже видели это на примере второй книги Анненкова. С еще большей резкостью сказалось это на другой биографической работе (вышла два года спустя после книги Стоюнина), посвященной, как и вторая работа Анненкова, жизни Пушкина в Александровскую эпоху и принадлежащей перу проф. А. И. Незеленова: «А. С. Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности». Биография Пушкина в понимании ее Незеленовым насквозь телеологична. Все, даже самые тяжелые, события в жизни Пушкина неизменно ведут его к некоей благой цели: «Высылка из Петербурга спасла Пушкина от гибели в чувственных увлечениях»; «подоспела как раз кстати» и «ссылка в село Михайловское»: «без нее творчество Пушкина должно было бы остановиться: он дошел в своем развитии до того момента, когда ему оказалась нужной русская деревня». Весьма кстати пришлось и разгром декабристов: «великий и страшный удар образумил поэта». Смысл всех этих утверждений достаточно ясен: в роли providения Пушкина неуклонно оказывается строгое, но попечительное начальство, все время заботливо направляющее его жизнь самым лучшим образом. О научной значимости работы Незеленова много говорить не приходится, тем не менее она пользовалась в свое время весьма большой популярностью. Этому способствовало, в частности, то, что в течение последующих двадцати пяти лет не появилось ни одной новой большой биографии Пушкина.

Уже Анненков незадолго до своей смерти жаловался на возникновение среди современных ему «деятели исторической и биографической литературы целой школы археологов и изыскателей, которые, освободив себя от труда мышления, заменили его трудом простого собирания документов, сличения разностей между текстами, перечета отметок, какие существуют на различных актах, и тому подобными предварительными работами, считая их за самую науку исторических и литературных исследований и устраняя, как излишество, критику и оценку приобретенных фактов по существу».

Особенно много деятелей этого «археологического» рода, заменивших «труд мышления» крохоборческим мелочным подбором предварительных материалов, оказалось среди лиц, посвятивших себя изучению жизни и творчества Пушкина.

Исследовательская работа биографов Пушкина за последние десятилетия прошлого и первые десятилетия нашего века донельзя мельчитя, атомизируется. Накапливаются груды фактического материала, горы мельчайших биографических подробностей. Во внимании к мелочам, самом по себе, нет еще беды. Для исторического деятеля такой величины, как Пушкин, каждая мелочь имеет значение. Беда в том, что пушкинисты-«археологи» тонули в мелочах, теряя способность обобщающих выводов. Подробно разрабатывались различные частные эпизоды пушкинской биографии, писались статьи на такие темы, как «шляпа Пушкина» или «курил ли Пушкин?», отдавалось несоответственное внимание пушкинским любовным увлечениям, а наряду с этим даже столетний юбилей со дня рождения Пушкина в 1899 г. не вызвал появления ни одной новой биографии поэта; к юбилею был всего лишь переиздан популярный биографический очерк, написанный А. А. Венкстерном и вышедший еще в 1882 г.; в 1903 г. была переиздана книга Незеленова, в 1906 г. — работа Стоюнина.

Правда, в 1907 г. появился новый биографический труд о Пушкине проф. В. В. Сиповского: «Пушкин. Жизнь и творчество». Однако работа эта, по единодушным и справедливым отзывам критики, оказалась явно неудачной, представляя из себя весьма объемистую и очень сумбурную компиляцию.

Между тем необходимость создания подлинно научной биографии Пушкина, основанной на строго критическом изучении всех дошедших до нас источников и развертывающей полную, исторически и психологически правдивую картину жизни и творчества великого поэта на фоне общественно-исторической жизни его эпохи, сознавалась всеми наиболее выдающимися пушкиноведами того времени.

«Очерк жизни Пушкина, хотя бы и не претендующий на название биографии, но стоящий на уровне современных знаний о Пушкине, — это обязанность русской литературы», — писал в 1907 г., в своем отзыве на книгу Сиповского, Валерий Брюсов. «Биография Пушкина, для которой уже всё готово, все материалы добыты, — дело близкого будущего», — заявлял тогда же автор одного из весьма ценных вспомогательных трудов по пушкинской биографии «Труды и дни Пушкина», Н. О. Лернер.

Однако Лернер ошибался.

Время для создания «истинной биографии» Пушкина, о которой больше восьмидесяти лет тому назад мечтали Гурженев и Анненков, настало только в наши дни. Только мы можем с полным правом сказать, что для этого действительно почти всё готово и почти все материалы добыты.

Октябрьская социалистическая революция впервые дала возможность легально читать в советских изданиях всё, дошедшее до нас из творческого наследия Пушкина, и свободно, без анненковских «страхов» и околичностей, вводить это в историю жизни и творчества поэта. Достаточно напомнить хотя бы, что только после революции у нас могла быть полностью опубликована «Гавриилиада».

Равным образом только революция полностью открыла исследователю как государственные архивные фонды, так и многочисленные частные собрания. В результате был сделан целый ряд исключительно важных находок в отношении как новых пушкинских текстов, так и всякого рода биографических документов и источников. Достаточно указать, например, что за последнее время были найдены два до того совершенно неизвестных юношеских произведения Пушкина — поэма «Монах» (больше четырехсот стихов) и — совсем недавно — сатирическое стихотворение «Тень Фонвизина» (320 стихов). Наличие этих произведений существенно меняет наше прежнее представление о лицейском творчестве Пушкина. Столь же ценные находки сделаны в отношении эпистолярного наследия Пушкина. Напомним хотя бы обнаружение в 1925 г. в библиотеке Юсуповых в а д ц а т и с е м и дотеле неизвестных писем Пушкина к Е. М. Хитрово, очень значительных по своему содержанию.

Чрезвычайно много обнаружено за эти годы и всякого рода документального материала, имеющего большее или меньшее отношение к биографии Пушкина. В частности, найден ряд материалов, рисующих яркую картину связей и отношений Пушкина с декабристами и показывающих ту большую роль, которую играло в деятельности тайных обществ пушкинское творчество. Но особенно много появилось новых материалов, связанных с трагическим финалом жизни Пушкина — его дуэлью и смертью — и бросающих совсем новый свет на подлинные причины гибели поэта.

О количестве всё продолжающихся новых находок может дать наглядное представление вышедший года два-три тому назад специальный пушкинский том «Литературного наследия», в котором публикация и разработка вновь найденных материалов занимают около 800 страниц, а также только что вышедший, почти не уступающий

ему по размерам, пушкинский том «Летописей Государственного Литературного Музея».

Развернувшаяся по всей стране широчайшая подготовка к юбилейным пушкинским дням, организация Всесоюзной пушкинской выставки вызвали новый приток материалов. Почти не проходит дня без сообщения о какой-либо новой, весьма ценной, находке.

Огромное значение в деле научной разработки биографии Пушкина будет иметь выпускаемое Академией Наук СССР полное собрание сочинений поэта, которое впервые даст исчерпывающе полный свод всех вариантов и черновиков.

Впервые введены в научный оборот и многочисленные рисунки Пушкина, в изобилии рассыпанные по его творческим рукописям и представляющие большой биографический интерес.

Однако Великая Октябрьская революция не только открыла двери архивов, не только дала возможность широко поставить подлинно научное изучение жизни и творчества Пушкина, но оказала огромное освобождающее влияние и на самое сознание исследователей, помогая им сбросить путы всякого рода условностей и предрассудков, тяготевших над всеми без исключения старыми биографами Пушкина.

Ярким примером тому может служить хотя бы наше теперешнее понимание причин трагической гибели поэта. Даже Стоюнин, который достаточно далеко продвинулся по пути правильного понимания этих причин, все еще находился во власти традиционных представлений о «добром» царе и «злых» приближенных, решительно настаивая на полной искренности благожелательного отношения Николая I к Пушкину и усматривая всю трагичность положения поэта в том, что «по простому недоразумению» между ним и царем оказался «посредником» «всесильный царедворец» Бенкендорф. Один из лучших пушкинистов совсем недавнего прошлого, покойный П. Е. Щеголев в первых вышедших до революции изданиях своего известного труда, специально посвященного дуэли и смерти Пушкина, все сводил только к семейной драме поэта. Наоборот, в новонаписанной главе третьего послереволюционного издания своей книги им был впервые выдвинут совсем новый взгляд на причину дуэли и зловещую роль, сыгранную в сложных перипетиях преддуэльной истории роковой фигурой царя, — взгляд, подтверждаемый всеми последующими изысканиями.

Наконец, только в наше время биограф Пушкина получает надлежащий масштаб, полное и правильное представление о всем значении деятельности поэта в нашей литературе и культуре.

С замечательной прозорливостью Белинский писал в своих статьях о Пушкине: «Пушкин принадлежит к вечно живым и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества».

Полного своего развития в сознании общества Пушкин достигает только в наши дни.

Постоянно подчеркивая, в противовес лжедемократическим критикам, «истинную народность» пушкинского творчества, Белинский вместе с тем не решался придать Пушкину имени «народного», «национального» поэта. «Народный поэт тот, которого весь народ знает», — писал он в связи с этим и отсюда считал название Пушкина «народным» и «национальным» писателем «верным только наполовину».

То, что ограничивало, ослабляло признание Белинским народности Пушкина, начисто отменено нашей эпохой. Пушкин великий народный, национальный наш гений и только таким может и должен показать его современный биограф поэта.